

РУССКИЕ КОНСУЛЬСКИЕ ДОНЕСЕНИЯ ИЗ ДУБРОВНИКА О ПОЛОЖЕНИИ В ДАЛМАЦИИ В 60-х — НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ XIX В.

В. И. Фрейдзон

Для русской дипломатии Дубровник был важным наблюдательным пунктом ввиду исключительного значения морского побережья для Австрийской империи, близости Черногории, а также Боснии и Герцеговины, где неоднократно вспыхивали восстания против османского гнета, наконец, ввиду резко активизировавшегося в 60-е годы южнославянского движения в габсбургской монархии. Поэтому донесения консулов из Дубровника содержат богатый и разнообразный материал. Размеры статьи побуждают нас ограничиться лишь основными сведениями о внутреннем положении в Далмации и оставить в стороне не только такие вопросы, как австрийская политика в отношении соседних земель, сербская Омладина, политика Черногории, борьба в Боснии и Герцеговине и др., но и факты, относящиеся к активности хорватского национального движения, исходившей из Загреба.

Консулом в Дубровнике до начала 1869 года был Константин Петкович, позднее — Александр Ионин. Оба они сочувствовали южнославянскому национальному движению, а Ионин в своих чувствах даже несколько выходил за пределы, определяемые официальными кругами России.¹

В ряде сообщений консульства охарактеризована кризисная экономическая обстановка в Далмации. Ввиду засухи 1861 г., писал Петкович, Черногория и Далмация оказались перед угрозой голода. «Почва в Далмации мало чем отличается от черногорской и обрабатывание ее стоит больших трудов и издержек, которые редко когда вознаграждаются соразмерными плодами. Прекрасные порты, которые должны были служить источниками благосостояния страны, не приносят никакой пользы народу, потому что остаются постоянно пустыми за неимением никаких продуктов к вывозу. Вино и деревянное масло составляли в прежние времена весьма важные статьи вывоза для жителей далматинского побережья, но вот уже нес-

¹ Статья основана на донесениях русских консульских представителей в Дубровнике, которые хранятся в фонде «Главный Архив» *Архива внешней политики России*. Поэтому мы не повторяем каждый раз полной сигнатуры (АВПР, Ф. Г. А. УА, дело... листы... Рагуза, год), а указываем только номера дела и листов (А; АА) и год.

колько лет, как болезнь истребила почти все виноградные лозы, а урожай оливок год от года становится все хуже. Транзитная торговля лет 10 тому назад доставляла некоторые выгоды далматинцам, но и этот скудный источник торговой деятельности иссяк вместе с обеднением и опустошением соседних турецких провинций: восстание в Герцеговине разорило многих купцов здесь в Бокке-ди-Катарро, имевших торговые сношения с мусульманами в Требинье, Никшиче и других герцеговинских городах. Бедность жителей как в городах, так и в селах неимоверная, и многие из них для доставления себе пропитания принуждены удаляться на работы в Константинополь и в Россию или обращаться на месте к незаконным промыслам — воровству и разбою. Австрийцы имеют обыкновение разглашать, что Черногория — страна дикая и варварская и что там иностранцев грабят и режут, но всякий, кто хорошо знает Черногорию и Далмацию, засвидетельствует, что тысячу раз безопаснее для иностранца путешествовать в пределах первой, нежели последней, хотя черногорское правительство не имеет жандармов и пограничной стражи и не требует от иностранцев предъявления паспортов при въезде в Черногорию». Проезд от Дубровника до Сплита небезопасен.²

В связи с «кровавыми выборами» 1865 г. Петкович вновь обратил внимание на экономическое положение Далмации, прямо связав с ним рост народного недовольства. Состояние области «нельзя назвать не только цветущим, но даже сколько-нибудь сносным... В Далмации нет ни фабрик, ни заводов особенной важности, а об обширной торговле и торговом мореплавании, которые процветали во времена венецианского владычества, нечего и говорить: они потеряны навсегда безвозвратно. В торговом отношении Далмация сделалась данницей Триеста, откуда она получает как мануфактурные, так и колониальные произведения, а ее природные великолепные порты остаются пустыми, куда заходят только небольшие каботажные суда с дровами, вином, фруктами, строевым материалом и т. д. Число коммерческих далматинских судов уменьшается с каждым годом, и далматинцы-моряки покидают свою родину массами и отправляются в Египет, Турцию и Россию искать для себя занятия и пропитания. Бедность в Далмации чрезмерная. В городах, где прежде существовали довольство и роскошь, теперь укрывается одна нищета. Землевладельцы разорены и обременены долгами вследствие непомерных налогов, продолжительных неурожаев и болезни на виноград, господствующей в Далмации уже несколько лет. Не получая никаких доходов и не имея денежных средств, чтобы обработать свои земли и уплачивать налоги, которые с каждым годом возрастают, помещики стараются освободиться от своих имений, но не находя покупателей, они принуждены отказываться от них (имений. В. Ф.) в пользу правительства за долги и недоимки. Крестьяне тоже не имеют причин быть довольными своим положением; они терпят также от неурожаев, налогов и от чиновников, которые притесняют и грабят их на всевозможные манеры...³ Далмация представляет особенную политичес-

² Д. 723, лл. 253—524, 1861 г.

³ Масса славянского населения, сообщил Петкович, «коснеет в невежестве и нищете» (Д. 732, лл. 60—61, 1868 г.).

кую важность для Австрии только тем, что она приморская страна и имеет обширные и многочисленные порты, а потому правительство посвящает свои заботы исключительно поискам средств к тому, как упрочить лучше и сохранить за собою эти выгоды, а все остальное, по-видимому, составляет для него второстепенное дело. Австрийское правительство истратило и тратит еще огромные суммы денег на укрепление далматинских портов и бухт, воздвигло множество фортов, крепостей, казарм и блокгаузов; но сравнительно оно не сделало почти ничего в продолжение своего 50-летнего владычества для развития и преуспевания страны в моральном, промышленном и торговом отношениях. Далмация не может похвалиться достаточными и хорошими путями сообщения, а равно и безопасностью движения по оным; разбой и убийства, совершаемые внутри страны, не уступают ни в чем тому, что делается бандитами в Южной Италии или в Греции; она не может быть также благодарна Австрии и за открытие новых источников торговли и промышленности, не имея по настоящее время ни заемных банков, ни других каких бы то ни было правительственных кредитных учреждений...

При таком положении дел народонаселение Далмации не может быть искренно привязано к Австрии; кроме чиновников, все классы народа недовольны своею участью и громко выражают свои ропоты и сетования. В обыкновенное мирное время таковое раздраженное состояние умов в народе не представляет, конечно, никаких опасностей для австрийского владычества, но в случае каких-нибудь важных политических потрясений, внутренних или внешних, неудовольствие народа легко может проявиться в неприязненных действиях, и тогда приморские укрепления, стоившие столько миллионов, едва ли окажутся достаточными для удержания Далмации в повиновении и спокойном состоянии». ⁴

* *
*

Особое внимание на «брожение, которое происходит в настоящее время в Далмации, стране до сих пор забитой и заброшенной, но начинающей теперь ясно вырабатывать свое народное сознание», Петкович считал необходимым обращать потому, что, несмотря на небольшое население Далмации, «это явление не лишено важности в общеславянском вопросе, благодаря особому положению страны, заслонявшей прежде славян турецких от моря и склонявшейся было на сторону итальянцев, которые стремились и стремятся в случае переворота завладеть ею и тем лишить сербское славянство приморья, а следовательно и способности развиваться до государственной жизни». ⁵

Вопрос о воссоединении Далмации с Хорватией, сообщал Петкович в начале 1861 г., «занимает ныне исключительно умы жителей Далмации» и приобрел югославянское и общеполитическое значение для Австрии.

⁴ Д. 727, лл. 192—194, 1865 г.

⁵ Д. 734, л. 43, 1869 г.

»Он расшевелил сердца славянских патриотов и вызвал на поле деятельности всех мыслящих и пишущих людей, которые до того не смели никогда высказать своих убеждений и желаний, удаляясь от соприкосновения с правительством и лелея свои начала в кабинетной глуши«.

Австрийское правительство боится воссоединения, так как ввиду важности Далмации, как базы флота, хочет, чтобы население подчинялось непосредственно Вене; воссоединение противоречит политике »разделяй и властвуй«. ⁶ Власти всегда весьма подозрительно относились к итальянцам, но покровительствуют им, — хотя это кажется нелогичным в Далмации, 9/10 населения которой — славянское, — только потому, что стремятся затормозить развитие славянского элемента.⁷

В связи с ответом Франца-Иосифа банской конференции о необходимости выслушать мнение далматинцев о воссоединении с Хорватией Петкович продолжал: »Правительство, зная, что в далматинских приморских городах имеется значительное число итальянцев или лучше сказать поитальянившихся славян, которые ради своих личных интересов чуждаются славянского элемента и склонны больше к иностранцам, уверено было — помощью своих чиновников-немцев или людей упомянутого класса составить сильную партию против соединения«.

Автор указал и на весьма ограниченный состав политически активных сил сторонников и противников воссоединения в 1860—1861 гг.: »Жители Далмации (разумею городское население, итальянскую интеллигенцию, ибо народ не причастен еще к этой полемике, он не призван еще подать свой голос) распались на две довольно определившиеся сразу партии: Зарский и Сплетский округа, в которых больше итальянского и правительственного элемента, выразили себя против соединения, а Рагузский и Которский, в которых образованный класс никогда не отчуждался совершенно от сельского славянского населения, — за соединение«. Хотя первая партия пока сильнее, отмечал Петкович в 1861 г.,⁸ опора надежнее у второй — »не своекорыстные, а народные интересы«.

Сепаратистов поддержали чиновники, откупщики и вообще люди, »живущие на счет сельского славянского населения«, которые надеются таким путем отстоять свои интересы.⁹ К этой партии »примкнули все чиновники, высшее духовенство, итальянцы и обитальянившиеся славяне, а также многие из славян, находящиеся почему-либо в соприкосновении с прави-

⁶ К возможности объединения хорватских земель австрийской властью русские наблюдатели относились скептически. В 1865 г. Петкович сообщал, что »передовые люди народной славянской партии, утешая себя, рассуждают, будто назначение барона Фиалповича есть временная мера, что последует непременно отделение гражданской власти от военной, что командующий войсками в Далмации будет подчинен кроатскому бану, что сама Далмация будет присоединена к Кроации в административном отношении и пр. и пр. Как эти, так и другие им подобные рассуждения представляют ныне ни что иное как *pia desideria* лучших патриотов Далмации, но далеко еще то время, насколько я могу судить, когда эти *pia desideria* можно будет [дополнить] соответствующими им фактами« Д. 727, лл. 211—212, 1865 г.).

⁷ Д. 732, лл. 60—61, 1868 г.

⁸ Д. 723, лл. 8—10, 1861 г.

⁹ там же.

тельством или итальянцами».¹⁰ Противники славянского движения »принадлежат к классу торговцев, ремесленников, чиновников и землевладельцев».¹¹

Чиновничество — опора противников воссоединения, потому что введение славянского языка в управление привело бы к удалению из правительственных учреждений немцев и итальянцев, живущих вольготно: »ни в одной австрийской провинции народ не угнетен так чиновниками, как в Далмации. . . Что же касается поитальянившихся славян-нечиновников, то они противятся соединению только потому, что с помощью нынешней бюрократии привыкли [жить] на счет бедного класса и опасаются последствий нового порядка вещей, который с освобождением славянского народного элемента выведет на сцену общественной деятельности новых людей с новыми началами и новыми стремлениями».¹²

Итак, первая партия — »бюрократия и все те, которых материальные эгоистические интересы зависят от ее (Далмации, изолированной от других южнославянских земель, В. Ф.) существования». Для сохранения привилегированного положения она препятствует »знакомству и сближению (Далмации, В. Ф.) со славянскими племенами, живущими внутри и вне австрийско-венгерской империи».¹³

Вторая партия — »истинно народная», »желающая конституционного соединения с Кроацией».¹⁴ Ее составляют »передовые люди из славян, литераторы, адвокаты, независимые землевладельцы и большая часть сельского духовенства обоих вероисповеданий».¹⁵ В деятельности народняков »почетное место принадлежит католическому сельскому духовенству», которое »выказало большое усердие и самоотверженность в защите [родного] языка и народности».¹⁶ Вскоре Ионин подтвердил, что »в Рагузе большинство католиков, даже священников принадлежит к славянской партии, следовательно, находится в дружбе с православными». По Ионину, в славянскую партию входят »все православные без исключения».¹⁷ К этой партии примкнуло также »все молодое поколение Далмации, в особенности учащееся юношество».¹⁸

Петкович и Ионин сообщали о позиции »славянской партии»: партия признает права итальянского языка, считает, что изучение его необходимо для далматинцев, »а пребывание итальянцев в далматинских приморских городах выгодно для умственного и материального преуспевания страны», но требует признания Далмации славянской страной, жители которой

¹⁰ Д. 732, лл. 60—61, 1868 г.

¹¹ там же.

¹² Д. 723, л. 11, 1861 г.

¹³ Д. 733, л. 17, 1868 г.

¹⁴ Д. 723, л. 11, 1861 г.

¹⁵ Д. 732, л. 61, 1868 г.

¹⁶ Д. 734, л. 19, 1869 г.

¹⁷ Сообщения об усиливающихся разногласиях между сербским и хорватским национальными движениями начинаются с 1873 г. До тех пор газета »Народни лист», по сообщению Ионина, »старалась обходить» спорные моменты (Д. 741, л. 12, 1873 г.).

¹⁸ Д. 734, лл. 19, 41, 1869 г.

имеют право на развитие и сближение с единоплеменниками, где бы они ни были. »Само собой разумеется, что эта партия не может иметь причин относиться недоверчиво и враждебно к России...«¹⁹

Сторонники воссоединения «надеются что Кroatия, усиленная этим соединением, со временем отделится совершенно од Австрии, как самостоятельное славянское государство, и округлит Далмацию присоединением к ней Боснии и Герцеговины и этим даст жизнь и благосостояние ее жителям, обладающим многочисленными и превосходными портами. Эти надежды проявляются исключительно в разговорах католиков, а карловацкий (sic) епископ Стросмайер выразил их публично в письме к одному из здешних патриотов, которое было напечатано для распространения в народе«.²⁰ Вскоре Петкович отметил, что «славянские патриоты, склоняясь на соединение с Кroatиею, надеются этим избавить страну от многочисленной толпы чиновников — немцев и итальянцев, присылаемых сюда из других провинций Австрии, и улучшить быт народа материально и духовно уменьшением налогов и распространением славянской грамоты«, и повторил, что сторонники воссоединения с Хорватией, «домогаюсь народной славянской администрации, обращают свои взоры на Боснию и Герцеговину и ждут лучшего будущего для своей родины от окончательного решения восточного вопроса«.²¹

О социальных принципах народняков, как известно, весьма умеренных, Петкович пишет: «патриоты, стремясь к ограждению собственных прав, не забывают также и меньшей братии — сельского населения, состоящего из одних только славян«.²² Но вновь он подчеркнул, что «народ сам еще не подавал своего голоса прямо, и доселе действовали преимущественно одни горожане — образованный и грамотный класс«. Власти стремятся изолировать этих людей от сельского населения, пугая крестьян господством в Хорватии аристократии, рекрутскими поборами и т. п.²³

Позднее Петкович констатировал, что несмотря на все препятствия «славянская партия« Далмации крепнет с каждым днем, «почерпая жизненные силы в массе народа, пробуждающегося к народному самосознанию«. Газеты и в особенности читальни, открытые почти во всех городах, «содействовали много к тому, что народ очнулся от своей апатии и начал сам размышлять о своей славянской народности и заботиться серьезно о своих духовных и материальных интересах«.²⁴

Уже ранее в связи со столкновениями между крестьянами и солдатами в 1865 г. Петкович указал на пробуждение политической активности крестьянства и втягивание его в национальное движение. Петкович отмечал в Далмации «некоторое улучшение в духовном отношении«, которое было результатом не забот властей, а «современного общего стрем-

¹⁹ Д. 734, л. 19, 1869 г.

²⁰ Д. 722, л. 13, 1861 г.

²¹ там же, лл. 32—33.

²² там же.

²³ там же, лл. 32—33, 1861 г.

²⁴ Д. 734, л. 19, 1869 г.

ления к образованию и развитию на началах народности... Морлаки (так итальянцы зовут крестьян) начали открывать глаза в последние годы и рассуждать также о славянской народности и славянском языке, равно как о своих правах и интересах». В одной деревне на дороге из Каствельнови в Дубровник Петкович слышал следующий разговор: цесарь добр, но во всем виноваты чиновники... »Не пора ли нам показать себя перед ними, что мы не стадо овец и что умеем ценить в себе человеческое достоинство, любить свой язык и народность и жертвовать собою для охранения наших прав и интересов«. Чиновники, говорили жители, должны свято уважать законы, данные цесарем, и наши права, данные цесарем.²⁵

В сентябрьском донесении 1865 г. сообщалось о »весьма серьезных беспорядках« и »даже кровопролитных стычках«, которые сопровождали выборы в органы самоуправления в 1865 г. Петкович указывал, что деятельность послушного властям сабора, избранного в 1864 г. путем подавления национальной и либеральной оппозиции, показала населению, что обещания властей о снижении налогов и организации общественных работ (строительстве дорог и мостов) были обманом. Выборы городских управ в 1865 г. были назначены в обстановке »разочарования и отчаяния«. Когда власти вновь прибегли к прошлогодним методам, население стало громко требовать отказа чиновничества от вмешательства в выборы, удаления некоторых чиновников. Начальники округов и преторы, привыкшие иметь дело с послушной массой, решили силой подавить проявления протеста. Это и вызвало кровопролитие. В Книне, Дрнише и других местах »беспорядки не ограничились криками и протестами, а сопровождались схватками крестьян с солдатами и жандармами, в которых было убито и поранено несколько человек с обеих сторон«.²⁶

В 1868 г. Петкович сообщал об удвоении податей и налогов, что — вместе с политикой властей, покровительствовавших автономистам — накалило обстановку в сельской местности, где обострилась борьба колоннов против землевладельцев. Народ »в высшей степени огорчен и раздражен против правительства«, и политическая борьба проявляется в стычках и »в поджогах и истреблении оливковых деревьев и виноградных лоз... — [это] сделалось делом обычным, чуть ли не законным«.²⁷

* *
*

В ситуации, создавшейся в связи со сближением регентов княжества Сербии с габсбургской монархией, сообщал Ионин в 1869 и 1870 гг., далматинские народняки, как и партия Штросмайера в Хорватии, попали в трудное положение: »мне все здешние деятели сильно жаловались на крайнюю неудовлетворительность политического сознания между хорвато-

²⁵ Д. 727, л. 193, 1865 г.

²⁶ Д. 727, л. 191, 1865 г.

²⁷ Д. 732, л. 64, 1868 г.

-сербами... Будь у нас опора с этой стороны (то есть княжества, В. Ф.), будь у сербов ясная политика, согласие с Черногорией, влияние в Боснии, что заставило бы думать, что все это опирается на Россию — у нас была бы иная политика и иные цели... Но теперь все нам доказывают, что наша политическая жизнь заключена в австрийских границах... И как ни хитри, а все-таки приходится опираться то на немцев в Вене, то на мадьяр в Пеште. Самостоятельных стремлений у нас не может быть без Сербии».²⁸

»Белград мог быть залогом будущего для здешних славян и оправдать, сделать обязательную пользу влияния России, — подчеркивал Ионин. Но без какого-нибудь независимого центра между славянами их упование на Россию действительно представляет нечто туманное. Всякий задает себе вопрос: 'да что же Россия сделает, к кому мы примкнем? Не в подданные же она нас к себе возьмет?'« Эта ситуация способствовала кратковременным панславистским увлечениям отдельных лиц: »Положение патриотов славян так безвыходно, за неимением цели и центра, что эта мысль, идти в подданные России, даже не на шутку выяснилась в головах самых горячих».²⁹

В этом донесении очень четко выражена сущность политики русской дипломатии относительно южнославянских земель. Она стремилась укрепить свое влияние посредством поддержки радикальной внешней политики Сербии, направленной на создание южнославянского государства.

В 1869 г. Ионин сообщал о наличии в Далмации австро-федералистского течения.

»Все славянствующие здесь, по крайней мере, по виду, прониклись идеею сближения во имя народности, и пока смотрят на Россию, как на палладиум своего будущего, хотя иногда и бранят ее за недостаток откровенности, а особенно щедрости«. Однако существует также »класс здешних славянофилов, которые не прочь были бы от славяно-маджаро-немецкой федерации с Габсбургом во главе и для которых русское влияние на славян в этом случае считается помехой«. К этой группировке Ионин относил Орсата Пуцича.³⁰

* *
*

В 1870 г. Ионин указал на возросшее значение Далмации в общеавстрийском масштабе в связи с пробуждением национального самосознания и политической активности местного населения, связал уступки, сделанные властями далматинцам, с Которским восстанием и привел интересные сведения о перемене настроений в кругу национальной буржуазной интеллигенции в связи с результатами выборов в сабор 1870 г. До

²⁸ Д. 795, л. 147, 1870 г.

²⁹ Д. 734, л. 233, 1869 г.

³⁰ Д. 734, л. 232, 1869 г.

сих пор, писал он, Далмация почти не играла никакой роли в политических спорах в Австрии, представляя для нее в основном лишь стратегический интерес... »Но такова судьба Австрии; вчера еще незначительная народность может вдруг получить значение, вчера еще уничтожаемый, разбитый и презираемый народ вдруг каким-то чудом сознает самое себя, силится иметь свой голос или становится весьма заметным органом хотя бы и чужих целей и интриг. В таком положении находится в настоящую минуту Далмация...

Которское восстание обратило общее внимание на Далмацию, а здесь оно пробудило народное самосознание, которым поспешили воспользоваться в Вене, не давая ему обратиться прямо и неуклонно против Австрийской монархии«. Власти, по мнению Ионина, совершили поворот, о котором еще несколько лет назад нельзя было и думать: помогли славянской партии одержать победу на выборах. Вероятно, в Вене »желают вместо врага сделать из этой провинции орудие, которым в данную минуту можно владеть с пользою«. »Сама по себе славянская партия, несмотря на свою многочисленность, до победы пока бы не добралась, ибо правительство, покровительствовавшее до сих пор итальянцам, имело в своих руках города, чиновников и большую часть населения в тех местностях, где сохранились еще остатки феодальных прав, как, например, в Рагузе. Но правительство не только оставалось нейтральным на этот раз, но против своих традиций, явно помогало славянской партии. Славяне нигде не могли на него пожаловаться и во многих местах только зарские власти обусловили их победу. Так в Книне были смещены два чиновника, которые по старой памяти противодействовали славянам. В Рагузе два католические священника, подстрекавшие народ против поземельных владельцев (принадлежавших к славянской партии), были посажены в тюрьму. Во многих, почти во всех других местах оказывалось тоже покровительство. Между тем партии итальянской (автономам) не оказывали ни малейшего содействия.

Почему Австрия все это сделала, хотя ранее стремилась уничтожить славян как политическую силу? Причина не ясна, но проясняется при изучении *восстания*. . .«. Далее Ионин изложил одну из версий причин восстания, о которых нам приходилось писать.³¹ Решение Франца-Иосифа о необходимости мира с бокезцами было вынужденным: »И в самом деле, преследовать далее восставших и тем раздражать более и более страсти славян в то время, когда на хорватской Военной Границе чуть не готовилось восстание, было бы делом рискованным и значило бы окончательно вооружать против себя южных и турецких славян, которых имелось в виду как-нибудь включить в Австрию«. Очевидно, продолжал Ионин, выговорив у императора мир, генерал Родич — в качестве условия своего назначения губернатором Далмации — добился и перемены политики, чтобы ликвидировать раздражение во всей Далмации. Без этого мир был бы опасен, так как усилил бы влияние черногорского князя, — ведь в Боке население питает исключительные симпатии к Черногории... Во всей Далмации »симпатия к горцам (повстанцам, В. Ф.) до сих пор все

³¹ См. »Устанак у Боки 1869/1870«. Котор-Будва, 1970.

более и более возрастала, ибо угнетенная народность Далмации старалась искать спасения где бы то ни было, даже в Черногории». Теперь же внимание славян Далмации было отвращено от «горсти народа», готовой взяться за оружие, и для них было открыто «поле конституционной парламентской суеты. [...] Деятельность эта... должна льстить славянскому народу надеждой на прогресс в лоне Австрии, окончательная потеря которой поднимала бы роль Сербии и Черногории». «Генерал Родич считается одним из самых верных генералов своему императору, но он как истинный хорват³² ненавидит настоящий порядок вещей в Австрии и ненавидит мадьяров...³³ И потому не удивительно, что план его клонится не к тому, чтобы отвратить австрийских сербо-славян от общения с интересами других сербов двух независимых княжеств, которые по самой природе вещей должны были бы составить зерно будущего развития сербо-хорватской самостоятельности, но и к тому еще, чтобы оторвать Хорватию от Венгрии». Вероятно, размышляя Ионин, ввиду несостоятельности дуализма, в Вене склоняются к триализму; там «не прочь забрать в руки какую-нибудь другую силу, которую можно мадьярам противопоставить и таким образом иметь средства их застраховать в случае нужды». Вероятно, хотят «удовлетворить хорвато-далматов, сделать из них третье целое и тем оторвать от солидарности с остальными славянами Австрии». «Из разговоров моих со здешними корифеями славянской партии я мог заключить, как вдруг переменялись их взгляды на свои цели после успеха на выборах. Прежнего озлобленного отношения в Вене уже не заметно. Прежде соблазновали о том, что Сербия ничего не делает, обращая свои взоры на этот свободный центр, и с большим сочувствием относились к Черногории. Теперь вдруг начали говорить, что могут добиться своего и в Австрии, и с нетерпением ждут приезда Родича в Далмацию».

В связи с этими новыми явлениями интересны впечатления Ионина от бесед с рядом деятелей хорватского национального движения. «Более честные и откровенные, пишет Ионин, как Константин Войнович, католические священники Паулинович³⁴ (sic) и Данило, которые могут считаться радикалами своей партии, которые ясно сознавали цель будущего независимого от Австрии сербо-хорватского королевства и которым поэтому трудно переделать свой взгляд и надеяться на то, что они привыкли радикально ненавидеть, говорили мне с грустью о новом их положении. «До сих пор, говорил мне Войнович, мы знали, что делать и делали, что нам хотелось. Нашей целью было противиться всеми силами австрийскому правительству и раздражать народ против него, и эта цель достигалась. Теперь же мы из оппозиции, от которой и не могло ничего больше требоваться, даже и законным образом, делаемся большинством. На нас ложится обя-

³² В донесениях Г. Родич неоднократно называется «православным хорватом», «хорватом, хотя и православным» и т. п.

³³ Речь идет о представителях военно-монархической группировки, не сочувствовавшей дуализму и парламентаризму.

³⁴ В 1873 г. Ионин характеризовал М. Павлиновича как «страстного человека и католика, хотя и преданного душевно славянской идее» (д. 741, л. 120, 1873 г.). Это «хотя» естественно для славянофила Ионина.

занность делать уже что-нибудь более положительное — вести за собой куда-нибудь это правительство, объявить ему наши цели. Но какие это цели? Их собственно нет, ибо исключительная ненависть к правительству не может быть целью большинства — тогда бы нам оставалось только поднять восстание... Радикально мыслящих между нами двое или трое, остальные, хотя может быть и искренние славяне, но не верят ни Сербии, ни Черногории, ни в возможность опереться посредством этих последних на Россию. Эти люди обрадовались, что могут жить славянами в Австрии».³⁵

В 1872 г. Ионин стремился осмыслить значение голосования пяти далматинских депутатов в рейхсрате в поддержку австрийского правительства (против федералистов) и пришел к знаменательному заключению. «Это, так сказать, дезертирство славян Далмации»..., считал он, фактически означает признание «неудовлетворительности федеративной фикции» в Австрии. По его мнению, дело не в подкупе депутатов, как утверждала журналистика. «Все эти славяне, радикальные на словах, в сущности боятся резкой перемены в своей политической жизни, ибо бездна старых привычек и предрассудков составляют еще кодекс их повседневной жизни, их умственного и социального обихода... Всего заметнее это в Далмации. Здесь интеллигенция, желая иметь большинство на выборах, должна была опереться на массы народа славянского, часто и не зная говорить по-сербски. Выборы были в пользу ее, но если бы выборные захотели верно выразить воззрения их пославших, то они должны были бы стать просто против идей австрийской монархии. Все эти славяне, горцы от Книна до Катарро, — коренные славяне, ни правами, ни интересами не тяготеют к общеавстрийскому телу. Это для Австрии совсем чужой народ. Интересы и чувства влекут их к Боснии, Сербии, Черногории, он составляет окраину этих стран, а не Австрию». Но поняв это, продолжает Ионин, депутатам нечего было ехать в Вену: «им, если бы они хотели быть верными логически, следовало бы поднять революцию во главе этого народа (! В. Ф.). Но депутаты сделать этого не могли, ибо представляя эти мысли горцев, они сами в сущности чужды им столько же, сколько китайцам»... Ионин подчеркивал, что жизнь и интересы массы народа и «среда этих депутатов, их нравственная и политическая жизнь» чужды друг другу.

Массы народа «хотели бы жить заодно с другими народными массами, ибо обособленное, оторванное неестественными границами их существование действительно невыносимо», а лидеры движения проповедают объединение в рамках Австрии; «народ действительно хочет быть славянским, а пока дело не дойдет до практики, он не разберет, что не рагузский и не сплитский славянофил способен представить его интересы, а скорее какой-нибудь Лука Вукалович, князь черногорский или сербский». В заключение Ионин выразил предположение, что некоторые, немногие, участники движения в результате последних событий повернут к радикализму, повернут сомнению идею «австрийской агломерации или дунайской федерации»; горные округа, «где славянская идея более радикальна и менее

³⁵ Д. 735, лл. 116—122, 1870 г.

связана с идеей федеративной Австрии», уже проявляют недовольство «резонерством славянофильствующей интеллигенции».³⁶

Несколько неожиданно и удивительно в устах представителя «российского императорского министерства» звучат слова, в которых Ионин в сущности отразил факт различия тенденций южнославянской буржуазии и ее либеральной, в значительной мере австрославистской, интеллигенции, — с одной стороны, и крестьянской массы, объективные интересы которой находились в непримиримом противоречии с сущностью габсбургской власти, — с другой.

Впрочем, это связано с враждебным отношением А. Ионина к планам федерализации габсбургской монархии, что в это время соответствовало позиции царского правительства и части славянофилов.

³⁶ Д. 739, лл. 62—68, 1872 г.

H I S T O R I J S K I
Z B O R N I K

ŠIDAKOV ZBORNIK

*U povodu 75. godišnjice života
prof. dra Jaroslava Šidaka
i 30. godišnjice njegova uređivanja
»HISTORIJSKOG ZBORNIKA«.*

Redakcijski odbor

MIRJANA GROSS

IVAN KAMPUŠ

BOGDAN KRIZMAN

JOSIP LUČIĆ

HRVOJE MATKOVIĆ

BERNARD STULLI

Glavni i odgovorni urednik

MIRJANA GROSS

IZDAJE
SAVEZ POVIJESNIH DRUŠTAVA HRVATSKE

